

Член-корреспондент Николай Георгиевич Смирнов: «О науке и не только»

Предлагаем вашему вниманию интервью с выдающимся ученым, членом-корреспондентом РАН, профессором Николаем Георгиевичем Смирновым, которое состоялось в июне 2022 года в рамках проекта «Научное интервью» при поддержке Совета молодых ученых Института экологии растений и животных УрО РАН.

Беседу вел Дмитрий Олегович Гимранов.

- С чего начался ваш путь в профессии, как Вы к ней пришли?

- К профессии я пришел еще будучи школьником. Этот предварительный путь можно разделить на несколько шагов. Интересы где-то внутри сформировались очень рано, и все это началось, как часто бывает у биологов, с аквариума, содержания хомячков и белых мышек, а ежели была возможность, то и собак.

Детские увлечения продолжались в полулесной обстановке. Наша семья жила на окраине Екатеринбурга в своем доме, рядом были Верх-Исетский пруд и лес. Мы (я и мой старший брат Иван) ловили певчих птиц и держали их. В общем, достаточно свободно общались с природой, и это был первый шаг. Нам родители все это разрешали

Следующий шаг — чтение книг о природе, натуралистах, охотниках и путешественниках. Книгами был заполнен дом, фактически все стены были уставлены стеллажами. Родители всю жизнь продолжали собирать библиотеку, которая частично досталась им от предков. Там были самые замечательные книги. Позже книги мне стал давать Александр Владимирович Покровский. Он был профессиональным зоологом. Большое впечатление на меня произвели книги Сетона Томпсона, книги об охотниках.



Н.Г. Смирнов со старшим братом Иваном Смирновым
и бабушкой

Следующий шаг — это самостоятельные выходы на природу, на рыбалку и даже на охоту. Разумеется, не я был охотником, а подносчиком рюкзака, ружья, иногда мне это доверяли. Также бывали походы за ягодами и грибами или с удочками. Мои родные дедушки умерли еще во время войны, я их не видел. К счастью, были друзья семьи – натуралисты или просто любители и знатоки природы. Они объясняли мне, где растут какие растения и грибы. Мы ходили в лес прямо из дома по улице Татищева в сторону Широкой речки, туда, где были нетронутые леса.

Моим наставником по лесным делам был Георгий Иванович Демидов.

Следующий шаг — это занятия туризмом, с разрядами и соревнованиями. Я занимался в школьной команде под руководством старшего брата. Команда состояла из ребят на два-три года старше меня. И мы совершали походы, в том числе в составе Свердловской городской спелеосекции (СГС). Занимались настоящей, серьезной спелеологией!



Н.Г. Смирнов и его собаки

И наконец, мои родители — Георгий Алексеевич и Тамара Александровна Смирновы — были геологами, и брали меня с собой с 10 лет в экспедиции. Там, конечно, увлечение всякой живностью было очень полноценным. К старшим классам я с родителями объехал практически весь Средний и Южный Урал. Были и лодочные маршруты, мне тогда доверяли шест. Я, как плотоводец, шестом мог управлять лодкой с грузом и людьми. Мы таким образом два раза проплыли почти всю реку Чусовую. Это, конечно, обогатило меня, я до сих пор ценю этот опыт, вспоминаю и сам себе завидую.

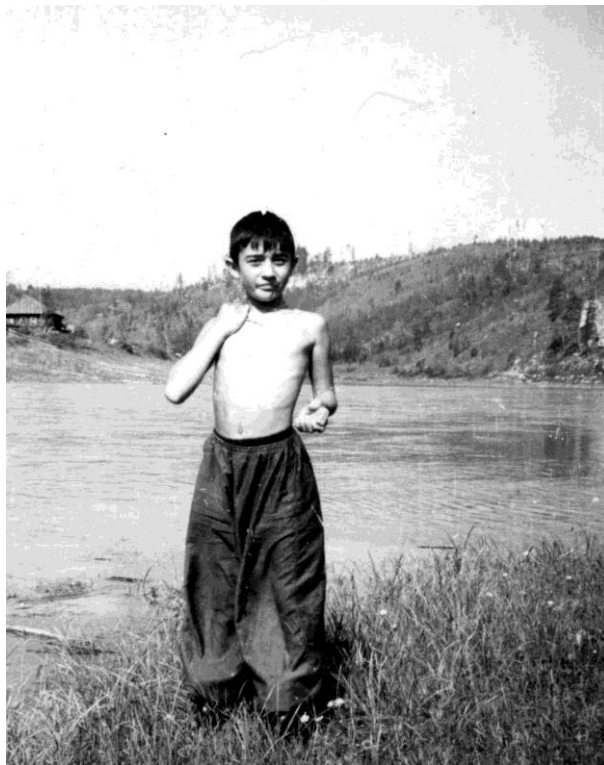
- Вы говорили о своих родителях, и мне стало интересно, какие задания, кроме управления плотом, они придумывали вам в экспедициях? Потому что 10-летний мальчик - это все-таки, мне кажется, некоторая обуза для родителей...

- А куда деваться от детей-то, если они уже есть? Мы с братом появились после войны, и были очень желанными детьми. Отец прошел всю войну на фронте и, к счастью, не был тяжело ранен. Но у него были хронические болезни после фронта, поэтому он не думал, что долго проживет после войны, все время был настроен на то, что надо успеть сделать многое в профессии, и на это была нацелена вся жизнь.



Родители Н.Г. Смирнова в экспедиции. Мама Тамара Александровна и папа Георгий Алексеевич

Все были счастливы, что сначала родился брат в 45-м году, потом я в 48-м году. То, что отец увидит нас в значительно взрослом состоянии, он даже представить себе не мог, поэтому нам, конечно, уделялось большое внимание, но все-таки для родителей работа была главной.



Юный Н. Смирнов на полевых работах

- Как родители относились к вам на работе, в экспедиции?

- В степных районах, святое дело, нас отправляли собирать кизяк - основное топливо для костра. Что же, будут геологи этим сами заниматься? Мы для этого вполне годились. Также мы наравне со всеми рядовыми членами отряда по очереди готовили пищу на костре. Поваров никогда в отряде не было, лишнего человека специально, чтобы пищу готовить, не возили. Мы, конечно, таскали рюкзаки. Это дело непростое — по степи целый день в маршруте за геологами идти и тащить рюкзак, а в нем — образцы.



Н.Г. Смирнов в экспедиции с отцом-геологом Г.А. Смирновым

- Каменные образцы?!

- Каменные. И очень жарко, очень тяжело, очень хочется пить. Мама, когда начинали жаловаться, говорила: “Не получишь, пить на ходу нельзя, вот когда маршрут закончится, напьешься вволю”. С тех пор я привык в жару не пить, и так действительно легче. Если начнешь пить, потом остановиться будет невозможно.

Разумеется, мы выполняли задания и чисто палеонтологические. Приходили на обнажения, нам объясняли: «Вот в этой части скалы

выходят отложения такого-то возраста (известняки, как правило), в них есть ископаемые раковины, нужно найти такую-то раковину, там их много разных других».

Нам показывают образцы, мы на них смотрим, и нам говорят: «*Spirifer medius*, его нам не надо!». Все знают, что он тут есть, а вот какой-то там *Spirifer trigonalis* — он нам нужен, и его до сих пор здесь никто не находил. Кто найдет, тому будет приз. И мы, вооружившись молотками и зубилами, колотили известняки в поисках определенной раковины. Иногда это занимало день, два, три и так далее, пока не будет успеха. Такого типа задания были.

- В это время у вас тяга к палеонтологии и появилась - или позже?

- Нет, нет. Несмотря на призы в виде обещанных шоколадок, тяги к палеонтологии в том возрасте у меня не было абсолютно никакой, мне хотелось охотиться на зверей и птиц. Ружьем я умел пользоваться с детства. Правда, в раннем детстве ружья нам еще не доверяли, но лет в 12 уже, безусловно, у каждого из нас было свое ружье. Хорошее ружье мне досталось от мамы, она мне его передала.

- А какое у Вас самое яркое воспоминание из детства?

- Тогда я еще один этап должен добавить. Нулевой. Когда мне было 3-4 года, родители работали в геолого-съёмочной экспедиции. Их партия базировалась в Княженке и Мариновке. Это степные деревеньки на юге Челябинской области, на границе с Казахстаном.

Бабушка работала у них в партии бухгалтером. Нас, детей, оставлять в городе было не с кем, и вся семья лето проводила на месте работ. Самые яркие впечатления раннего детства были там. Это не совсем связано с профессией, но, тем не менее, ярче впечатления мне трудно вспомнить.

Времена были не то, чтобы голодные, но очень ограниченные по части еды. Одно из самых ярких впечатлений — бабушка приводила меня в деревенскую пекарню, мы садились на пороге, и мне давали грызть корки свежеспеченного хлеба. Это чувство и запахи степной пыли, хлеба, ковылей, нетронутой степи... Целинные степи в тех краях были еще не

распаханы. Иногда водитель брал меня с собой забирать родителей с маршрута.

- Вы ездили встречать родителей в таком раннем возрасте - в 4 года?

- Да. Мы ехали на полуторке по мягким от пыли степным дорогам в кабине, открытой всем ветрам. Вокруг была настоящая нетронутая степь, свист сурков, жаворонки, дрофы.

- Еще в школе Вы прошли специальные курсы профессиональной подготовки?

- Решающий шаг к профессии - когда я, будучи школьником, с группой таких же ребят и девушек прошел профессиональную подготовку в виварии ИЭРиЖ УрО РАН. Обучение длилось с 9-й по 11-й классы по одному дню в неделю. В конце обучения нам выдали дипломы за подписью Станислава Семеновича Шварца.



А.В. Покровский

Когда-то Александр Владимирович Покровский пришел к нашему директору школы и сказал: “Я хочу взять к себе Смирнова Н. и еще несколько человек”. К 11 классу мы были уже биологи-лаборанты. Нас готовили по университетским учебникам, поэтому потом, на первом курсе, мне было не очень-то интересно учиться, зоологию позвоночных, по крайней мере, уже знал.

С нами много занимались разные сотрудники. Я считаю, что здесь мой путь к профессии уже был совершенно четко определен. Оставалось побыстрее окончить школу и поступить в университет. Но это было очень трудно. Дело в том, что в 1966 году окончили школу одновременно два выпуска за один год, это 10-е и 11-е классы, и конкурсы на поступление в ВУЗ были везде.

- Получается, конкурсы на поступление были огромные?

- Да. Чтобы поступить на биофак, нужно было сдавать, вот парадокс, не биологию или математику. Надо было сдавать физику, химию и сочинение. Сочинение надо было лишь бы не на двойку написать. А вот физику и химию сдать не меньше, чем на пятерки, если хоть по одному предмету четверка, то уже непроходной балл.

- Можно поговорить о вашей студенческой жизни? Вы говорили, что на первом курсе даже было скучно учиться, но ведь там же интересные практические занятия?

- Да, конечно, конечно. Но когда мы проходили обучение лаборантов в ИЭРиЖ УрО РАН, то большую часть практик осваивали уже здесь. Университет, конечно, был очень желанным, и я, поступив туда, был счастлив. Нас учили, я считаю, очень неплохо. И кафедра зоологии для меня была, конечно, самой привлекательной. Тут никакого выбора не было! Я туда целенаправленно пошел и учился у Михаила Яковлевича Марвина, Анны Георгиевны Малеевой и других преподавателей, которых я с большой теплотой вспоминаю.

- А когда появляется интерес уже к профессии, которой вы позже овладеете в полной мере?

- Конечно же, на меня очень большое влияние оказывала среда, которая была дома благодаря общению моих родителей с геологами. Когда приезжали гости из Питера, из Москвы, то многие любили останавливаться у нас дома, а не в гостинице. Гости – это коллеги отца и мамы.

Дело в том, что папа занимался комплексом осадочных пород, а мама была самым крупным специалистом на Урале по палеовулканизму. Они друг друга дополняли, и это был союз не просто мужчины и женщины, а союз профессионалов высокого класса. Большую часть своих монографий они написали совместно.

Среди тех, кто у нас останавливался, были просто замечательные люди. Я, конечно, сидел в уголочке, как мышка тихо, помалкивал и слушал, о чем говорят взрослые, но некоторые взрослые и при этом произвели на меня огромное впечатление.



А.В. Хабаков

Например, замечательный геолог, работавший во ВСЕГЕИ - это институт Министерства геологии в теперешнем Санкт-Петербурге. Этот институт существовал до революции, ну и в советское время в Ленинграде соответственно. В этом институте работали многие выдающиеся геологи, и среди них был Александр Васильевич Хабаков. Очень разносторонний геолог, много чем занимался, знал множество иностранных языков.

Когда он к нам приезжал, меня отправляли в киоск “Союзпечати”, чтобы я скупал все газеты на иностранных языках. У нас в городе их продавали немного, и, в основном, газеты коммунистических партий Франции, Англии, Италии. Я покупал эти газеты, приносил, и он нам по вечерам за чаем самое интересное читал.

Это само по себе было окном в мир, потому что где бы мы еще такое узнавали, телевидения еще не было, какое сейчас. Он был уникальный по своему человек в смысле своих научных достижений, первый в мире составил геологическую карту Луны.

- За что он и получил премию?

- Получил ВЫГОВОР от дирекции института за то, что занимается какой-то ерундой. Написал книгу про геологическое строение Луны вместо того, чтобы заниматься, чем положено по штатному расписанию.

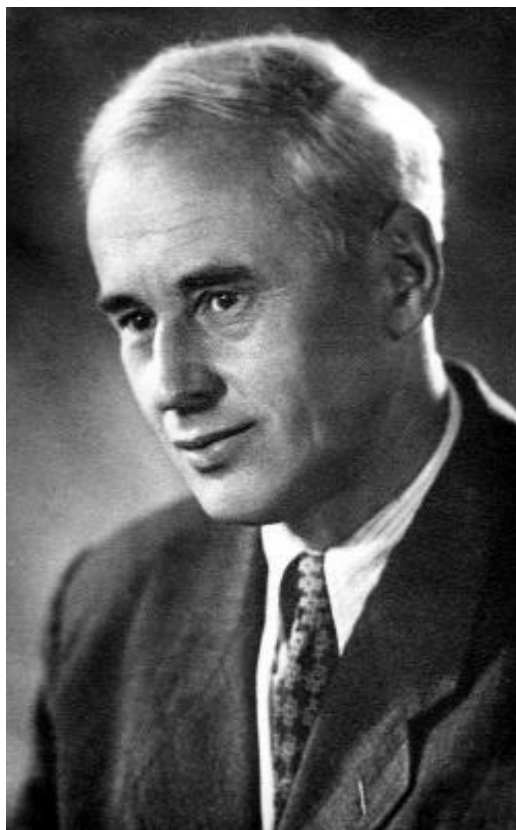
Они не знали, что Александр Васильевич был уже в те времена знаком лично и состоял в переписке с Сергеем Павловичем Королевым. Тогда фамилия Королева еще не звучала, поскольку он был крайне засекреченный человек, а Хабаков с ним был знаком, встречался. Ну, понимаете, что такой человек во многих отношениях очень незаурядный.

От Хабакова я впервые услышал, что есть такие ученые, которые ездят по всяким уголкам нашей огромной страны, в том числе на Дальний Восток, лезут в пещеры и находят там кости ископаемых животных, а также предметы археологии (каменные орудия и прочее). Среди таких людей он назвал профессора Николая Кузьмича Верещагина. Я узнал это имя из уст Хабакова. Они были знакомы по заседаниям Палеонтологического общества в Ленинграде. Хабаков мне рассказал, что у него есть такой знакомый, и когда я подрасту, то могу попроситься к нему в экспедицию! «Он тебя возьмет, поедешь на Дальний Восток, будешь там раскапывать пещеры!». Это у меня серьезно запало в память, и я долго об этом помнил.

- Как раз в то время Н.К. Верещагин работал в пещере Географического общества под Владивостоком и, скорее всего, об этом рассказывал на всякого рода заседаниях.

- Теперь о другом геологе - Романе Федоровиче Геккере. Он свободно владел немецким, как родным, французским, и работал в Палеонтологическом институте РАН. Основал там лабораторию палеоэкологии, которая занималась реконструкцией среды обитания разных организмов, в основном, морских. В этой лаборатории работала его жена - Осипова - и ряд сотрудников, которые фактически создали это направление в науке у нас в стране.

Романа Федоровича очень высоко ценили в мире, для меня он был первый человек из тех, кто читал лекции в Сорбонне, которого я лично видел. Под его редакцией выходили и популярные книги. Книга о мамонтах - там благодарность Р.Ф. Геккеру за помощь в написании и подготовке к изданию этой книги.



Р.Ф. Геккер

- Вы, ещё будучи ребенком, изучали азы палеоэкологии!

- Да, мне повезло общаться с Романом Федоровичем у нас дома и в Москве. Еще студентом первого курса, я приезжал в ПИН к ним в лабораторию. Пришел к Р.Ф. Геккеру и хотел посоветоваться, с чего начать, чтобы стать специалистом в этой области. Но Романа Федоровича я не застал, он был где-то в отъезде. Меня встретила его супруга. Она спросила меня: “А вы специалист по какой группе, по кораллам, по мшанкам, может, остракодами занимаетесь?”. Я сказал: “Я еще ни по чему не специалист. И, скорее, у меня интересы к млекопитающим”. Она ответила: “Вы сначала станьте специалистом по группе, досконально узнайте все о биологии этой группы, а потом вы начнете изучать палеоэкологию”.

- Это она первокурснику сказала?

- Да, да. “Вы специализируетесь в какой-то области палеонтологии, на каких-то объектах. Когда эти объекты изучите, тогда, пожалуйста, к нам приходите, я вас палеоэкологии буду учить”. Я это намотал на ус, что называется, и пошел к Анне Георгиевне Малеевой в Уральский государственный университет специализироваться.



А.Г. Малеева

- В студенчестве вы до 5-го курса продолжали собирать информацию, изучать и вникать в палеонтологию млекопитающих?

- Да, Анна Георгиевна взяла меня в первую палеонтологическую экспедицию, которой она руководила. До этого она работала на противочумной станции, и кандидатскую диссертацию сделала еще по тем материалам.

- Как и Н.К. Верещагин.

- Да, и И.М. Громов, и А.В. Покровский, и многие другие. Это было очень развитое место работы зоологов. Анна Георгиевна взяла меня и несколько других студенток. Я был единственный парень в этой компании. Мы поехали под Тюмень, там есть местонахождение Мальково. Не знаю, сейчас от него что-нибудь осталось или нет.

- Да, считается, что это было очень богатое местонахождение.

- Мы туда приехали и, согнувшись над рекой, трясли сита в воде, в больших количествах перерабатывая отложения косослоистых песков. Это занятие, как вы сами понимаете, не очень увлекательное. Зубы грызунов попадались, но не так редко, чтобы это было событие. Целый день трясли, выбирали, трясли и выбирали. Потом достаточно набрали и поехали в так называемую разведку.

Сели в автобус, ехали до Тобольска и начали рассматривать близлежащие обнажения. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, но за весь следующий месяц мы не видели ни одной косточки или зуба! Мы занимались, как теперь я понимаю, абсолютно бессмысленным делом – поиском костей млекопитающих, по большей части, в морских отложениях бог знает какого возраста. О геологии этой территории ни у кого из нас представления не было вообще, включая и Анну Георгиевну.

Я много интересного услышал и увидел в этой поездке, но к палеонтологии это никакого отношения не имело, костей-то не было. Я больше в такие экспедиции ездить не захотел, а попросился у Анны Георгиевны, чтобы она меня отпускала самостоятельно в разные пещеры.

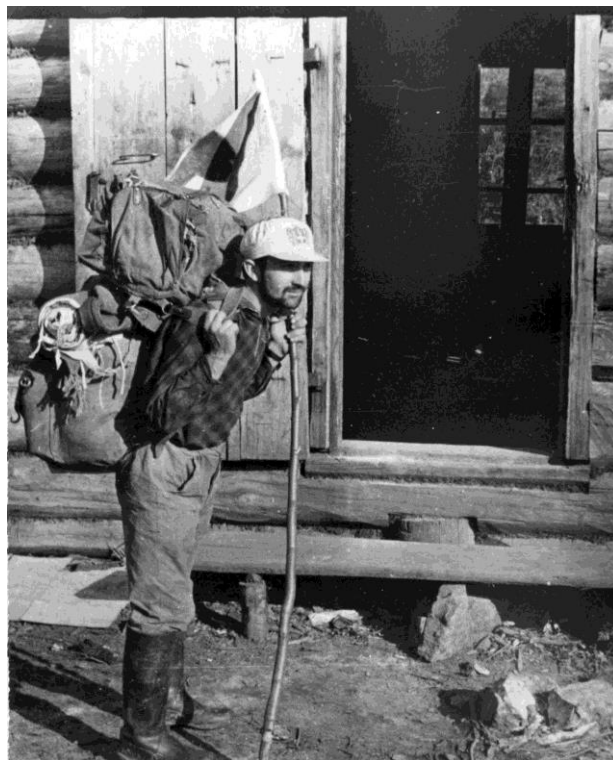
Сама она к пещерам близко не подходила, она женщина была, мягко говоря, не полевого склада. В общем, она меня стала отпускать.

- На каком Вы были тогда курсе?

- Это уже был второй курс. Мы с товарищами по кафедре начали путешествовать. Я продолжил те самые путешествия, которое когда-то вел с родителями. Первая наша поездка была по реке Белой. Мы купили лодку, оснастили её, как полагается. Я на шесте, мой товарищ на веслах, мы проплыли по реке Белой, лазая по разным пещерам. Там я нашёл своего первого пещерного медведя, которого мы вместе с вами опубликовали в этом году! Я имею в виду находку в пещере Сказка.

- Замечательная находка! Тогда, наверное, далеко не все пещеры были еще известны, многие оставались не тронутыми?

- Конечно, мы находили много новых полостей. В некоторых следов пребывания людей не было.



Н.Г. Смирнов в студенческой экспедиции на р. Белой

- И к пятому курсу у вас для диплома были вполне подходящие объекты, которые вы изучили, и получился отличный диплом. А вот как дальше развивалась ваша научная судьба в аспирантуре? Кто-то подсказал тему?

- В советское время по окончании университета проходила процедура государственного распределения. Вызывали в распределительную комиссию по одному студенту, начиная с отличников, и по среднему баллу опускались до троечников. Я не был ни отличником, ни троечником. Среди отличников были, в основном, девушки. Отличниц направляли в аспирантуру или куда они захотят. Были такие люди, которые хотели преподавать где-то далеко, и им туда давали направление. Они обязаны были туда являться, там регистрировать свое направление - 3 года прокурорского надзора. Ежели ты нарушаешь это распределение, тебя прокурор призовет к порядку.

Когда очередь дошла до меня, меня без всяких проблем распределили в Институт экологии растений и животных УрО РАН, поскольку оттуда на меня поступил запрос в аспирантуру.

- Вы в Институте уже в студенчестве работали лаборантом или нет?

- Нет. В студенческие годы я учился, учился и учился, а еще ездил по всяким пещерам, на охоту, рыбалку, куда-нибудь еще туристом.

Так вот, в аспирантуру ИЭРиЖ УрО РАН были также направлены Люба Некрасова, Наташа Николаева и Галя Быкова, которые имели диплом с отличием. Я не с отличием, но, тем не менее, меня тоже в аспирантуру пригласили.

Я пришел в Институт с этим направлением в тот самый кабинет, где мы сейчас с вами находимся. Здесь сидел Валентин Григорьевич Оленев, ученый секретарь этого Института. Он распоряжался молодыми и прочими кадрами. Я его знал, и он меня знал еще по школьным занятиям здесь.

Он сказал: "Ну, хорошо, поступай в аспирантуру, вступительные экзамены сдавай". Я говорю: "А, собственно, чем я буду заниматься в аспирантуре?". Он: "Какая тебе разница, ты идешь в аспирантуру к

академику С.С. Шварцу! Какие вопросы могут быть еще?!” Я говорю: “Ну, мне бы хотелось знать, чем я буду заниматься”.

Тогда мне рассказали, что из нас всех, пришедших в аспирантуру, С.С. Шварц сделает группу по изучению экологии кровососущих насекомых - комаров будем изучать. Один из вас будет заниматься полевой экологией, другой - экспериментальной экологией, в банках каких-то комаров разводить и изучать. Одна будет направлена на хромосомные исследования, потому что тогда считалось, что если хромосомы изучить, то будут вообще все проблемы решены.

- Я говорю: “А можно я подумаю?”. В.Г. Оленев дал согласие. Через день я пришел и сказал: “Вы можете мне оформить свободное распределение? Можете написать, что Вы отказываетесь от моего распределения в аспирантуру и отпускаете меня на все четыре стороны?”. Оленев оценил моё решение: “Ты дурак? Ну, могу, если хочешь, пожалуйста”. И я так и поступил, отказался поступать в аспирантуру к академику С.С. Шварцу, что имело потом, конечно же, всякие последствия. И ушел на все четыре стороны.



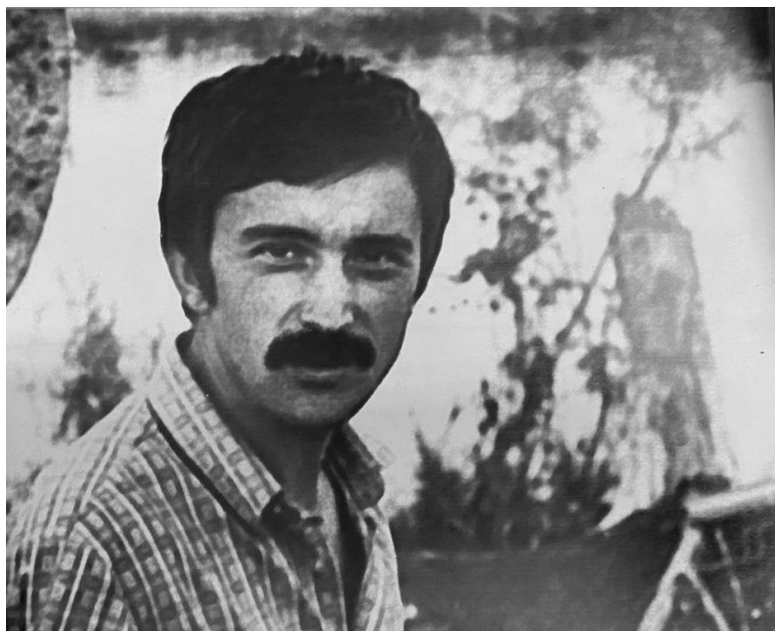
С.С. Шварц

- И куда же Вы в итоге направились?

- Я пошел в виварий беседовать с Александром Владимировичем Покровским. Он, конечно, интересовался, куда же я денусь. Я сказал: “Не знаю, пока не знаю”. И пошел по улице 8 Марта в сторону центра. Дошел до трамвайной остановки «Большакова» и там встретил свою бывшую одноклассницу. Она училась на историческом факультете и была археологом - Наталья Викторовна Федорова.

Она спрашивает: “Ну? Ты устроился на работу?”. Я говорю: “Нет, у меня свободный диплом, я свободен, как птица”. Она говорит: “Я вот еду в экспедицию, собираю отряд, хочешь, я тебя возьму «на лопату»? Будешь у меня рабочим, как и сотни полторы других людей”. У нее был громадный отряд, они в Прикамье копали городище огромное. Я говорю: “Ты знаешь, а давай, мне все равно делать нечего. Посмотрю, что это за работа такая у археологов”. Она говорит: “Ну, тогда иди в университет на истфак, в археологическую лабораторию. Пусть они тебя оформляют, скажи, что я тебя беру”. Ей было лестно, что она начальник.

Потом она действительно ко мне хорошо отнеслась, спасибо ей большое. В итоге я в составе этого коллектива еще долго проводил разведки, частично раскопки, в разных местах археологических.



Н.Г. Смирнов в археологической экспедиции. Фотография экспонируется в Музее археологии Уральского гуманитарного института УрФУ

- Вы были археологом?!

- Два года проработал археологом, у меня был свой открытый лист. Я определил там костей несколько сот тысяч, наверное. Это были горы ящиков в подвале университета, в бомбоубежище, все было забито ящиками с костями из раскопок.

- Сейчас Вы не жалеете, что написали отказ быть аспирантом у С.С. Шварца? Молодым ученым Вы посоветовали бы столь радикальное решение?

- Нет. Это каждый должен решать за себя. У меня были такие моменты, когда я немного завидовал тем, кто работает в команде во главе с таким ярким ученым, как Станислав Семёнович, которого я очень ценю и глубоко уважаю. Но комарами заниматься, даже под его руководством, извините, я не мог. Какой из меня энтомолог?



С.С. Шварц с сотрудниками Института

- Как Вы вернулись обратно в Институт? Вы же были заместителем директора, потом возглавляли лабораторию...

- Эту часть своей жизни я хотел бы развернуто изложить. Отвечая на все вопросы о сложных периодах профессиональной жизни, я начну с высказывания: «Кто в молодости не был радикалом — у того нет сердца,

кто в зрелости не стал консерватором — у того нет ума». Оглядываясь на свой путь, должен сказать, что это совершенно точно. У меня всю профессиональную жизнь эти две ипостаси - радикализм и консерватизм - боролись друг с другом. Эта борьба у меня всю жизнь создавала трудности.

Я советского воспитания человек, и мы воспитывались на образах борцов за счастье людей – это должно было быть главным достоинством человека. Н.А. Морозов в Шлиссельбургскую крепость попал за революционную деятельность, просидел там половину жизни, и при этом великие научные открытия совершил. В юности я зачитывался с упоением его биографией и биографией других пламенных революционеров.

В начальных классах школы меня выбрали председателем пионерской дружины, и мне приходилось много времени тратить на это вместо того, чтобы учиться, как следует. Дальше еще хуже - в комсомольской организации меня выбрали самым главным комсомольцем нашей школы. Нам директор школы давал полную самостоятельность в деятельности, но кроме него нашими занятиями руководили райком комсомола и горком комсомола, а также проверяющие комиссии.

Я очень быстро разочаровался в комсомольской организации. И что же делать? Выйти из комсомола? Нет! Мой внутренний голос сказал мне другое: “Если тебе не нравится комсомол, его нужно переделать!”. Я нашел людей, которые также мыслили и уже практически продвигали такую идею. Они создали фракцию в комсомоле, которая боролась с бюрократизмом и прочими нехорошими явлениями в этой организации, несмотря на бдительность райкомов, горкомов и ЦК ВЛКСМ. Эта организация называлась “Коммунар”. Она была прокоммунистический, но своеобразной, ее лозунг был: “Наша цель - счастье людей”. Ею руководили два журналиста газеты «Комсомольская правда» - Симон Соловейчик и Иван Зюзюкин. Эта организация была очень серьезная, но очень веселая. Ее отряды создавались по всему Советскому союзу.

После 8-го класса я попал на Всесоюзный слет коммунаров в городе Братск. Там была Всесоюзная комсомольская стройка - Братская ГЭС. У меня есть удостоверение первого строителя Братской ГЭС. Мы, со всего союза съехавшиеся старшеклассники, работали на строительстве города Братск и Братской ГЭС. Жили в палатках в лесу, практически без взрослых. Там было два человека взрослых, мы их старшими товарищами называли и к делам не допускали. Мы были абсолютно самостоятельными,

я до сих пор общаюсь со многими ребятами, с кем тогда подружился. Это было чудесное время.



Строительство Братской ГЭС в 1959 и 1961 гг. (фото с сайта Инфо-агентства Regnum и семейного архива Романа Хотяловича)

К моменту окончания школы я понял, что бороться за счастье людей - правильно и хорошо, но нужно ещё учиться в школе и поступить в университет, сдав туда экзамены, к которым надо всерьёз готовиться! Пришлось из этого коммунарства выйти, тем более что ЦК ВЛКСМ специальным постановлением его категорически запретил. Во многих местах эти дружины переориентировались на философские клубы, в других все договорились: “Мы же хотели бороться - будем бороться, но пойдём в учителя”. Действительно многие пошли в пединституты и стали учителями. Многие из них всю жизнь проработали учителями. Это люди, которые внушают очень большое уважение.

Всю жизнь меня преследовало раздвоение интересов - научных дел и общественно-организационных. В университете началось то же самое. Будущий многолетний декан биофака Н.Н. Фирсов тогда был на два курса старше меня. Он был руководителем комсомольской организации факультета. Оставляя этот пост, он почему-то решил передать его мне. Я сразу сказал: “Коля, нет, я не хочу, я не буду заниматься комсомолом в университете. Я лучше буду научным обществом заниматься”. Это аналог нашего совета молодых ученых. Коля ответил: “А кто тебя спрашивает?”

Выберем, и будешь!». Мне пришлось проявить некоторую изворотливость и сноровку. Я не стал с ним бороться. Я просто договорился с многочисленными друзьями на разных курсах, и мы «тихой сапой» подготовились к выборам. Когда мою кандидатуру Коля предложил избрать комсоргом, большая часть оказалась против, и меня не выбрали. Он, конечно, понял, чьих это рук дело, но сделать ничего уже не мог, раз народ был против.

- С ранних лет вы научились совмещать науку и административную нагрузку?

- Да. При поступлении в университет я принёс из школы характеристику, с которой лучше поступать в советскую партийную школу. Но несколько уравнивал эту характеристику дипломом победителя Всесоюзной олимпиады школьников по биологии.

- Победителя Олимпиады?!

- Победителя! За подписью академика А.И. Опарина. Я думаю, что приёмная комиссия биофака таких документов в руках еще не держала. У меня в сейфе лежит этот диплом.

- Вот это да! Все же вернемся к тому, как Вы снова пришли в Институт.

- Намного позже в Институт я пришел младшим научным сотрудником лаборатории экологических основ изменчивости организмов, которую организовал тогда Владимир Николаевич Большаков, он меня взял к себе на работу.

- Как вам удалось этот барьер преодолеть? Как вы после археологов и открытых листов обратно попали в Институт, где директор вас «помнил»?

- Директор не только меня помнил, он работал со своим заместителем В.Н. Большаковым и относился к нему с большим доверием. Владимир Николаевич, создавая новую лабораторию, имел карт-бланш

принимать, кого хочет. А мы с Владимиром Николаевичем впервые познакомились, когда были спелеологами-спортсменами в Свердловской городской спелеосекции. Мы были едва знакомы, но, тем не менее, он знал, кто я такой. Мы встречались на заседаниях Уральской секции Московского общества испытателей природы.



Академик В.Н. Большаков

Однажды, сидя там на заседании, он мне на ушко говорит: «Я ищу ребят в лабораторию для экспедиционной работы. Подскажи кого-нибудь, есть у тебя знакомые безработные?».

Я сразу среагировал:

- Так Вы меня возьмите.

- А ты пойдешь? Ты знаешь, какая зарплата там? Сейчас ты кем работаешь?

- Старший научный сотрудник.

- Будешь инженером или м.н.с., больше я не могу тебе предложить, 105 р. оклад.

- Нормально, я согласен.



Н.Г. Смирнов-спелеолог со своим другом А.В. Добровым

И все, я сюда пришел. Здесь опять это “но” встало в полный рост в лице Нины Петровны Пичугиной, она была комсорг по Уральскому научному центру. Уходя с этой должности, она сказала:

- Ты у меня, дорогой, туда работать пойдешь, никуда не денешься!
- Денусь, я не пойду ни за что.
- Тогда ищи другого.
- Да мы сейчас, не сходя с места, другого найдем – это Боря Попов.

И в итоге мы сторговались. Он ученик Виктора Сергеевича Безеля, мы с ним дружны были со времен того самого коммунарства. Это был бы такой замечательный администратор для нашего Института, что лучше не придумаешь. Но он очень рано погиб.

- Но Вас через какое-то время снова определили в партийные ряды?

- Да. Снова в ряды пламенных революционеров меня определили, но в работу общественную, партийную, в Институте. Позже Владимир Николаевич предложил стать его замом, и я не мог отказаться. Да и не хотел отказываться, эта должность давала большие возможности для развития лаборатории.

- А вот перед этим еще небольшой этап. Когда вы выбрали научную тему диссертации? Владимир Николаевич ее Вам подсказал?

- Он был моим научным руководителем. У меня же была неудачная попытка предзащиты кандидатской у С.С. Шварца. Мы с Владимиром Николаевичем посчитали, что мне можно выходить на предзащиту, и в кабинете у С.С. Шварца эта процедура состоялась. Я сделал доклад.

- Тогда уже историческая тематика там звучала?

- В основе диссертации был позднеплейстоценовый и голоценовый материал, и Станислав Семенович спросил, есть ли вопросы, все молчали. Он сказал: «У меня вопросов нет, потому что я ничего в Вашей диссертации не понял». Остальные, понятное дело, промолчали. И он сказал: «Если руководитель считает, что Вы можете защищаться, оформляйте работу и защищайтесь».

- И Вы ушли дорабатывать диссертацию?

- Да, мы с Владимиром Николаевичем посоветовались, и я у него попросил еще полгода. Решили еще главу написать, которая у меня в голове уже была. Позже Станислава Семеновича уже не стало, а я продолжал работать у Владимира Николаевича в лаборатории, заканчивая диссертацию. Он мне дал полную свободу, и все метания между наукой и административной работой прекратились.

Позже мы с Владимиром Николаевичем решили, что лучше мне уйти с этого зам. директорства. Он нашел себе других, более подходящих заместителей, но имел меня в виду, когда придет пора ему освободить директорское кресло. Я ему сразу говорил, что меня не привлекает директорство, мне лучше на лабораторном уровне остаться. Он меня выдвигал, но до выборов дело не дошло. Я ему очень благодарен за такую свободу работать в науке и лаборатории в разных ипостасях.

- В какое время науки Вы стали председателем Совета молодых ученых в Институте? Как это произошло? И какие впечатления у вас остались?

- Честно говоря, я этого не помню.



Н.Г. Смирнов и А.А. Цветкова председательствуют на молодежной конференции.

- Но Вы были первым председателем?

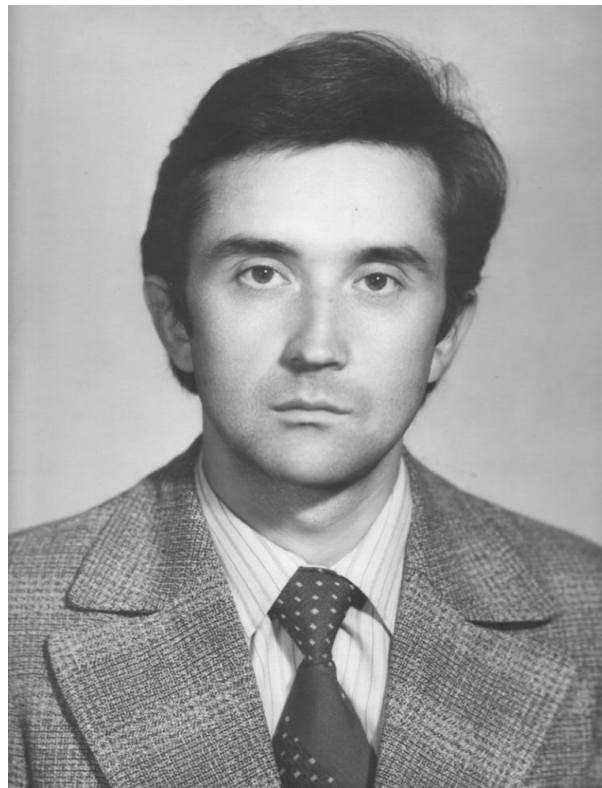
- Вообще-то я дела от кого-то получил. Следовательно, Совет молодых ученых существовал и до меня. Стоял я как-то на трибуне и представлял ученому совету работу одного из молодых ученых на конкурс, который проводился внутри Института. Я с этим представлением погорел, как швед под Полтавой, мне было стыдно. Я хотел провалиться на этом месте с этой трибуны и больше никогда на нее не подниматься, потому что я не смог произнести название этой работы. Оно было на немецком языке, которого я вообще не знал!

В председательстве, конечно, сидел С.С. Шварц, который очень выразительно начал хихикать, потом просто закрыл лицо руками и смеялся надо мной. Так я начал карьеру председателя совета молодых ученых. А потом мы с Борей Поповым совместно руководили. Он на

партийной комсомольской почве, я в совете молодых ученых. Занимались тем же, чем и сейчас.

- Численность сотрудников в Институте тогда, наверное, была намного ниже?

- Я пришел в Институт в 1973 году. Средний возраст сотрудников на тот момент был 26 лет, потому что был большой приток молодых кадров за год до этого. Когда сформировалась лаборатория Николая Николаевича Данилова, туда пришли сотрудники прямо со студенческой скамьи. Все горели желанием работать в поле, лаборатории и экспериментах, где угодно! Создавались новые структуры, их не называли молодежными, но по сути дела они ими были. И это было прекрасное время!



Н.Г. Смирнов в первые годы работы в ИЭРиЖ УрО РАН

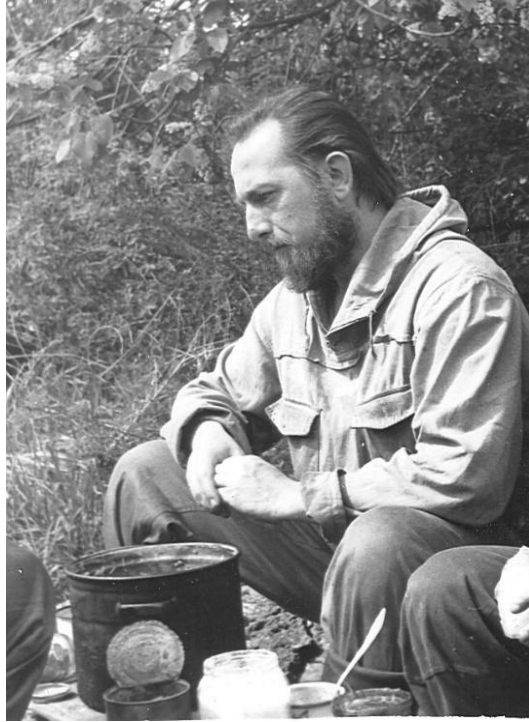
- Николай Георгиевич, Вы долгое время возглавляли лабораторию в Институте. Расскажите, пожалуйста, как вы к этому пришли? Это было целенаправленное действие? Как формировался коллектив лаборатории, которая и до сих пор существует?

- Нет, конечно, это на первых этапах была просто работа. Когда я пришёл в лабораторию к Владимиру Николаевичу, параллельно в Институте происходил распад других структур, которые свое отжили. Освободившиеся ставки плавно перетекали, в частности, в лабораторию В.Н. Большакова. Это была лаборатория экологических основ изменчивости организмов, и проблема изменчивости во времени органично туда вписывалась. Она решалась на материалах, которыми я владел, занимался и целенаправленно собирал. Вот на это и было всё направлено.

Ездить на полевые одному по этой тематике было, во-первых, нельзя, во-вторых, неудобно, и мне дали лаборанта Толю, который из других структур просто выпал, не прижился. Мы с ним поехали на полевые, где выяснилось, что он совершенно не приспособлен к такому делу. После того, как мы поработали на Багаряке, он вернулся и тут же уволился. Какое-то время я оставался один. Потом ко мне пришли несколько сотрудниц, которые работали у Эмилии Абрамовны Гилевой. По ряду причин они работать там дальше не могли, и их перевели ко мне.

- У Вас уже была отдельная группа внутри лаборатории?

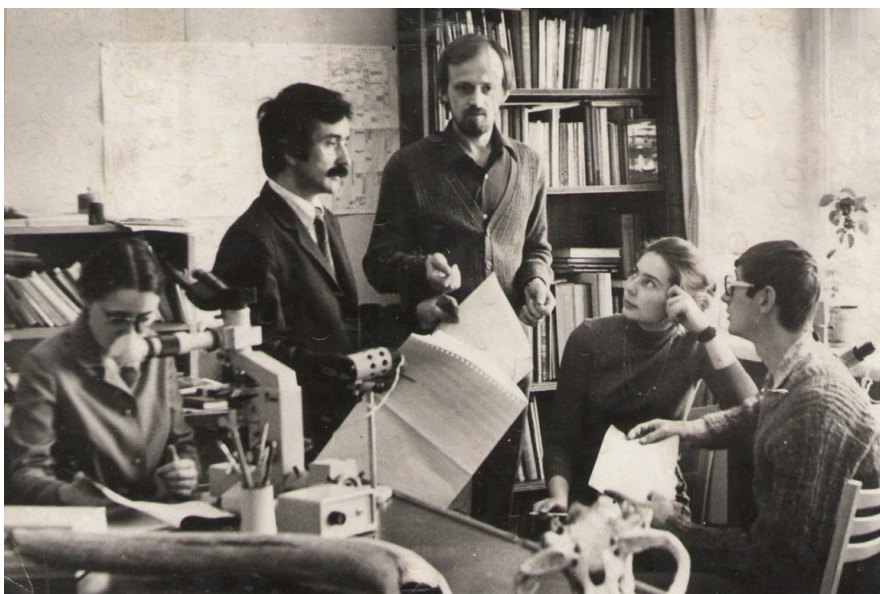
- Нет, в том-то и дело, что я был один. Группа создавалась в значительной степени случайно. Я сотрудничал с биофаком УрГУ, там были студенты, и первым студентом, который поехал со мной на полевые, был Васильев Алексей. Мы поехали копать два грота на реке Уфа и попали под жуткий снегопад. Он, бедняга, был в ботинках, и ему было очень плохо.



А.Г. Васильев в экспедиции

- Алексей Геннадьевич?

- Да, но тогда он был не Алексей Геннадьевич, а просто Леша. Вернувшись, он со мной больше не ездил, а перешёл на морфологические работы. Потом появились студенты Бородин Александр Васильевич и Косинцев Павел Андреевич с одного курса.



Слева направо: М.Н. Данилова, Н.Г. Смирнов, А.В. Бородин,
А.В. Уразова, П.А. Косинцев

Студенты стали работать достаточно интенсивно, и стало совершенно ясно, что в перспективе они будут специализироваться на ископаемом материале. Но ставок не было, и в итоге Бородин А.В. поступил в аспирантуру, разумеется, к Владимиру Николаевичу.



Группа Н.Г. Смирнова в составе лаборатории В.Н. Большакова

На полевые работы мы вместе ездили. Бородин А.В. с геологами довольно быстро сформулировал специфическое направление по древним фаунам. Косинцев П.А. работал с археологами и определял кости из археологических памятников.

Так длилось довольно долго, позже у меня появилась возможность заключать договоры, и это была перспектива, так как не было ни ставок, ни бюджетных денег. Договоры позволяли закупать оборудование. И на базе этих договоров мы начали расти. Это давало возможность работать на полевых, используя производственную базу геологов: катера, машины, вертолеты и так далее.



Полевой семинар у Б.И. Гуслицера

Группа слева: Л.И. Рековец, Н.Г. Смирнов, А.Г. Малеева, Н.И. Абрамсон; у промывальной машины: Б.И. Гуслицер, Т.Ф. Дупал; справа: Г. Мелик-Адамян

И это привело, в конце концов, к тому, что Александр Васильевич на этом материале защитил кандидатскую диссертацию. И мы написали книжку “Плейстоценовые грызуны Западной Сибири”. Это был существенный шаг. Поле нашей деятельности все расширялось и расширялось, появлялись новые сотрудники, к нам перешел Улитко Анатолий Иванович из Музея природы.

Палеоботаническая часть появилась, когда мы позвали Ольгу Михайловну Корону из другого института и Трофимову Светлану Станиславовну. Палинологией занимались Галина Владимировна Быкова, Анна Владимировна Лобанова.

Позже лаборатория популяционной экологии осталась без руководителя, и нас соединили, достаточно механически. Мы так и не сумели сформировать общую тематику. Когда нас разделили, появились лаборатория исторической экологии и лаборатория популяционной экологии.



О.М. Корона и С.С. Трофимова

- Почти 10 лет Вы вели преподавательскую деятельность в Уральском государственном университете. Расскажите, пожалуйста, про это время. Я знаю, что оттуда пришло много молодых людей благодаря Вам, многие и сейчас работают в Институте.

- Да, это верно. Я начал преподавать на кафедре экологии спецкурс «Историческая экология». Меня туда пригласил Владимир Николаевич как зав. кафедрой экологии. Поспособствовала этому и его заместитель - Радченко Татьяна Александровна. Позже кафедра зоологии осталась без заведующего, и я пришел туда на руководящую должность.

В тот момент существовала хорошо финансируемая госпрограмма «Интеграция академической и вузовской науки», и я использовал эту возможность. Благодаря этой программе мы сделали довольно много. Я читал лекции по зоологии позвоночных на втором курсе (подготовка и чтение курса стоили мне больших усилий). Однако я занимался этим с интересом, поскольку по основной своей специальности я зоолог.

Посреди учебного года я объявил, что те, кто сдадут экзамен по этому курсу на пятерку и будут специализироваться на кафедре зоологии, летом поедут на Дальний Восток совершенно бесплатно (по программе «Интеграция»). Там мы будем собирать коллекции для музея кафедры зоологии, нырять в Японское море, путешествовать. Жить будем на биостанции Института биологии моря ДВО РАН.

Одну из ведущих ролей в работе этой биостанции играл мой однокурсник – Валерий Алексеевич Брыков. Он один из первостроителей биостанции. Была договоренность, что нас бесплатно поселят на биостанции и позволят воспользоваться всеми ее инфраструктурами. Приняли нас там просто как родных!

- Да, для студентов с Урала попасть на Дальний Восток, на море...

- На Японское море, оно еще было относительно теплым. Бархатный сезон, конец сентября - начало октября. И потом проехать на поезде через всю страну – это факт биографии на всю жизнь.



Н.Г. Смирнов со студентами УрГУ (ныне УрФУ) на Дальнем Востоке

- Рапанов есть разрешили?

- Да, тогда еще там много было всякой живности. Нас кормили хорошо в столовой, как всех сотрудников. Еще там были студенты из Владивостока, с которыми наши студенты общались, это тоже было интересно. Эта биостанция легендарная, про нее долго можно рассказывать.

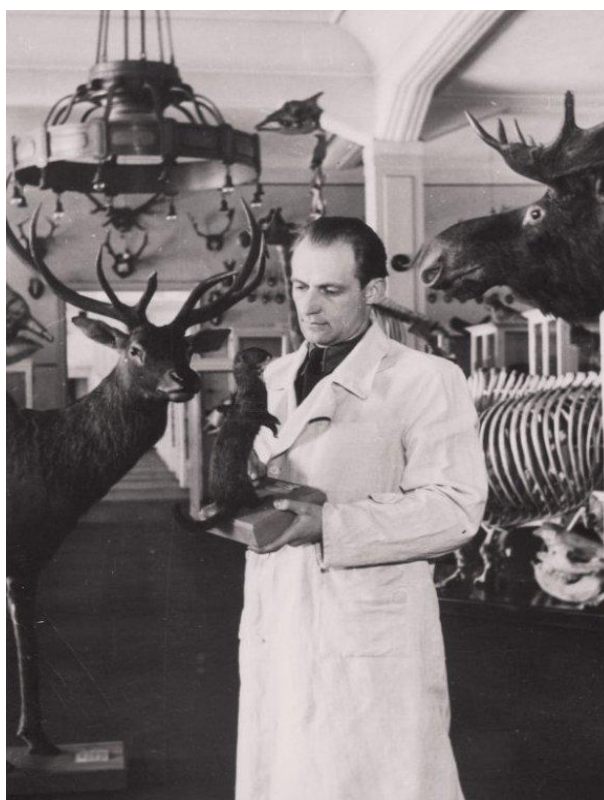
Конечно, мы не только на море были, и по окрестным лесам ходили, в которых даже тогда тигры бегали и загоняли прохожих на деревья, но тигра, к счастью, мы не встретили. В общем, эта поездка обогатила и

кафедру, и ребят, которые ездили. Думаю, она останется в их памяти на всю жизнь.

- Многие из них и сейчас занимаются изучением палеоэкологических закономерностей. Мне интересно, как у вас сложились идеи этого научного направления, оно было новым не только для Института, но и для всей страны. Кто был вашим научным вдохновителем?

- В Институте не было специалистов этого направления. В зоологическом музее Института было несколько коробочек с костями, которые туда принес В.Н. Большаков, когда был спелеологом. Коллекции, конечно, были не самоцелью, а средством решения научных задач, и прежде всего в рамках лаборатории В.Н. Большакова.

Одним из лидеров направления палеоэкологии в мире был в то время Калью Леонхардович Паавер из Эстонии. Я с К. Л. Паавером был знаком, и мы общались. Один раз я ездил к нему в Тарту на семинар по эволюционной биологии. Многие его уроки до сих пор хорошо помню, хотя некоторые из них выполнять довольно трудно.



Академик К.Л. Паавер

Когда-то я делал доклад по изменениям во времени частот разных морфотипов у копытного лемминга - много лет это был мой любимый объект. Я сделал далеко идущие выводы о соответствии морфотипов размеру и возрасту животного. Паавер это все одобрил, но в кулуарах позже мне сказал: “Коля, это все, конечно, хорошо, но Вы помните, что это всего лишь зубы. Это не эволюция, это всего лишь зубы”. Я считаю, что он очень глубоко прав в этом смысле.

Где найти ту грань между настоящей эволюцией, приводящей к появлению новых таксонов, когда спорить не о чем, и это разные виды (один вымирает, другой появляется), и изменчивостью, значимость которой таксономически не очевидна? Считать это популяцией во времени или как-то по-другому? Это надо сопоставлять с уровнем географических различий, а это далеко не на всех признаках возможно.

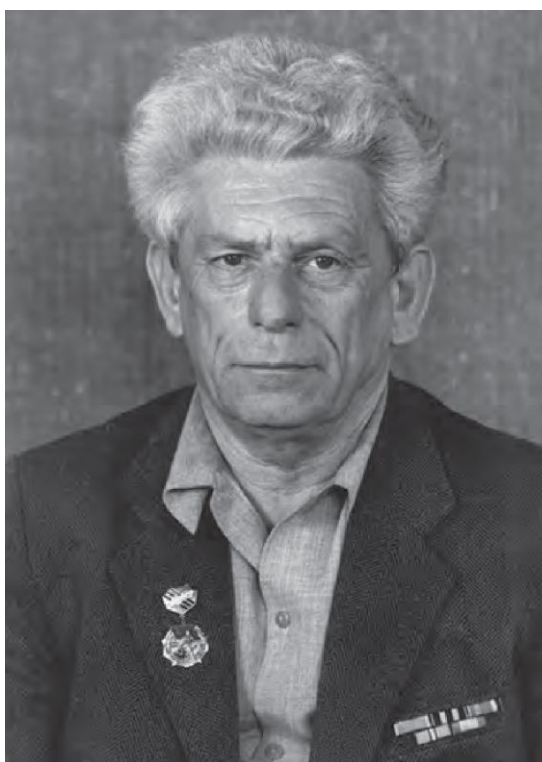
С появлением молекулярных методов исследований процесс, конечно, поддается некоторому независимому контролю, и это очень интересно, но тогда этих методов еще не было. Мы занимались фаунистическими изменениями сообществ и морфологическими преобразованиями настолько, насколько это было возможно сопоставить с температурными и географическими градиентами, с градиентами влажности. Временами это давало свои безусловные плоды, а иногда ничего из этого не получалось.



Н.Г. Смирнов и С.С. Шварц на конференции

- Параллельно с вами функционировала схожая лаборатория в Москве, и во главе ее стоял Лев Георгиевич Динесман. Как Вы с ними сотрудничали, общались?

- С Львом Георгиевичем я познакомился, еще будучи студентом. Здесь я должен коснуться чрезвычайно важной темы. Когда у нас коллектив уже более или менее сформировался, я понял, что нельзя дальше жить без хороших датировок. С Львом Георгиевичем я познакомился именно на этой почве, когда они запустили свою радиоуглеродную установку, которая работала на основе автордиографического метода. Вы, наверное, не знаете про такую. Это каменный век абсолютных датировок. Идея очень простая. Она состоит в том, чтобы образец, содержащий углерод, преобразовать химическим путем в кристаллическую форму. Кристаллы помещались внутрь раствора ядерной эмульсии, ее необходимо было держать в темноте на кварцевых пластинах. Пластины проявляли и дальше под микроскопом считали, сколько там кристалликов и сколько из этих кристаллов оставили треки образца, эталона и фона. Все эти пластинки держали в свинцово-ртутных защитах.



Л.Г. Динесман

Я взялся создавать такую установку, еще будучи студентом, и сумел выбить из университета три тонны свинца в виде свинцовых кирпичей. Это, на мое счастье, было до Чернобыля, потому что, когда случился Чернобыль, свинец со всей страны пошел туда. Фактически я почти создал такую установку, уже будучи здесь, в Институте, но она так и не заработала, не получила ни одной даты, потому что появилась новая сцинтилляционная методика...

А Лев Георгиевич Динесман у себя такую автордиографическую установку сделал, и она у них какое-то время работала. Они получили несколько датировок, отсидев себе все, извините, зады, потому что в микроскоп считать эти треки на такой площади - занятие не для слабых этих мест.

В начале все электронное оборудование было ламповым, потом на транзисторах, потом на микросхемах, и прогресс шел очень быстро, я за ним угнаться уже не мог. Я дождался, когда получились устойчивые результаты на микросхемах, и мы создали такую установку, как только появилось помещение для химической подготовки образцов.

Это отдельная история и большая сложная «кухня». Все стекло кварцевое, а кварцевые работы делают только очень высококвалифицированные кварцевудувцы. Плюс в подвальных помещениях, обязательно под землей, должны быть свинцово-ртутные защиты.

Это было очень опасно, и мы решили делать свинцово-вольфрамовую защиту по совету московских коллег. Порошок вольфрама добывался нашей советской промышленностью, из него делали нити накаливания в лампочках, но нам нужны были сотни килограммов. Наши доблестные сотрудники, все преодолев, его добыли - купили и привезли.

Значительную роль в создании всего этого сыграл Николай Геннадьевич Ерохин. Он ездил на стажировку в Москву, общался с тамошними электронщиками, со всеми, кто обслуживает такую установку. Анна Владимировна Лобанова и Н.Г. Ерохин провели всю техническую работу, мне как руководителю приходилось участвовать на таких этапах, которые требовали услуг, выходящих за их компетенцию. Установка у нас в лаборатории заработала. Она была одна из немногих в СССР, и отладить ее очень помог инженер Рябинин, который в ГИНе все установки делал своими руками.

Я хочу подчеркнуть это для молодых ученых. В научной работе очень много составляющих, но если Вы хотите получить новые научные

результаты, Вы должны использовать новые научные методы. Пока нет новых методов, не будет значимых научных результатов, Вы будете повторять то, что уже сделано коллегами при существующих методах.

- Сейчас идет большой поток информации, в ваше время, конечно, количество публикаций на единицу времени в научных кругах было намного-намного ниже. Мы живем в плотном информационном потоке, и как за ним угнаться, для меня до сих пор загадка. Как молодому ученому не потеряться в этом стриме? Выбрать какую-то свою траекторию и специализацию? Специализироваться на новом приборе со своим научным объектом или же стараться быть эрудированным во всем, много читать, ездить, пробовать разные методы, выбирать разные объекты? Как найти золотую середину молодому ученому?

- Этот вопрос не совсем ко мне, я буду тривиальные вещи говорить. Всем известно, что сейчас самое интересное делается на стыке разных наук. Между прочим, всегда так было, просто сейчас это обострилось.

Я, к счастью своему, присутствовал на нескольких выступлениях Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Однажды в большой аудитории в университете он выступал и давал молодежи советы, как добиться результатов в биологических исследованиях. Он сказал: “Вас ждет успех при одном условии - Вы должны дружить с математиками. Вы должны знать, что они любят пить, чем закусывать. Нужно проводить с ними как можно больше времени. Тогда Ваша научная мысль заработает так, как она должна работать – с математической строгостью”.

Я ничего умнее сказать не смогу, необходимо общаться со специалистами других областей, прежде всего с математиками и физиками. У них другая установка, у них по-другому, критически, настроены мозги. Они зададут такие вопросы, которые Вам в голову никогда не придут. У них эта строгость мышления внутри сидит. Биологи все-таки расхлябанный народ. Конечно, рецензенты хороших журналов это поправляют, но зачем тратить на это время, когда надо сразу сосредоточиться на точных постановках задач четкими методами и ответами.



Н.В. Тимофеев-Ресовский

- Для молодого человека, наверное, немаловажно будет выбрать грамотного руководителя или перспективную лабораторию. Как оценить в большом пространстве научной информации, какая лаборатория перспективная?

- Я бы так не стал настраиваться. Если бы я с этой точки зрения начал выбирать объекты, я бы повторял чей-то результат и ничего бы своего не придумал.

Конечно, участие в коллективных работах - вещь абсолютно необходимая. Сейчас что-то сделать одному практически невозможно. Но кооперация может быть на разной основе. Ты можешь выступать как поставщик материала для более умных дядей и тетей, ну если тебя это устраивает, да ради бога, разная есть специфика работы.

Самые цитируемые из моих работ, насколько я знаю, сделаны в кооперации. Про кооперацию с отечественными и иностранными коллегами я, пожалуй, расскажу подробнее. Анастасия Константиновна Маркова (четвертичный палеонтолог) примерно тем же занимается, чем и я, только на Русской равнине в основном и в Европе: изменчивость, фаунистика, динамика сообществ, стратиграфия. Но у нее не было никогда таких громадных выборок, как у нас из пещерного материала.



А.К. Маркова

Холмс Семкин – специалист типа нашего Игоря Михайловича Громова, то есть основатель этого направления в Соединенных Штатах. Он работал и с пещерным, и с аллювиальным материалом. Проблемы одни и те же у нас – природа дисгармоничных сообществ. Этот вопрос стоял перед нами и перед ними. У Холмса Семкина работал человек из Лос-Аламосской атомной национальной лаборатории, где сделали первую американскую атомную бомбу. Они сумели заинтересовать этого «дяденьку», и он сделал первое AMS-датирование грызунов из пещер Урала, но интерпретация была наша.

В Америке эта статья очень долго никак не могла пробить себе дорогу на страницы достойных журналов типа «Science». Вся переписка поступала и нам, мы видели все интриги – конкуренция в чистом виде. Существовала другая американская школа, и они друг друга не пускали. В конце концов, эта статья вышла в журнале «Geology», тоже не хило, конечно, но не сравнить с «Nature» и «Science».

- Для молодых ученых, безусловно, кооперироваться необходимо, но прежде всего, как Вам когда-то заметили, нужно стать хотя бы немного специалистом в своей области.

- А чтобы стать специалистом в своей области, необходимо работать с материалом, начитываться, слушать опытных коллег. Что бы вы могли посоветовать прочитать из научных трудов или кого посоветовали бы почитать из известных ученых-биологов? С чем молодому ученому обязательно нужно ознакомиться?

- От специализации прежде всего зависит. Я могу посоветовать только в рамках четвертичных наук. Конечно, нужно читать, прежде всего, классиков, это совершенно очевидно. Причем классиков прежних времен тоже. Потому что зачем открывать заново какие-то эффекты и явления, которые описали другие? Я бы сказал: «Читать классиков!».

- Как молодому ученому выбрать классиков в области биологии и экологии?

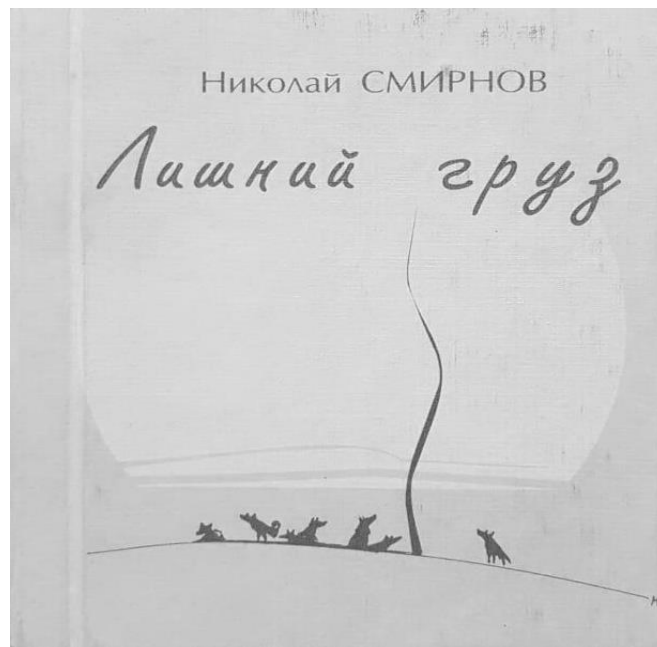
- Владимир Иванович Вернадский написал очень много и в самых разных областях знания. Он был не биологом, а геохимиком. Но вслед за ним стали развиваться работы биосферного плана и проблемы взаимодействия систем на уровне экосистем. Это все надо понимать, и это понимание приходит только на фоне вдумчивого чтения классической литературы.

- Бывают разные ситуации, когда нужно долго просеивать грунт или сидеть и считать карточки. В такие моменты можно абсолютно потерять интерес к науке. С Вами что-то подобное происходило?

- Со мной такого не происходило. Я довольно много по северу ездил, а там две трети времени уходило на ожидание транспорта и борьбу со стихиями. И, лежа в палатке, пережидая недельный шторм, можно о многом подумать либо ни о чем не подумать. Я старался думать над методиками и совершенствованием подходов. Позже, возвращаясь, я их проверял и реализовывал. А работа по перекладыванию образцов с одной чашки на другую, с разбором, меня никогда не утомляла, пока у меня было нормальное зрение.

- Советую нашим читателям и слушателям ознакомиться с короткими художественными рассказами – прозой, написанной Николаем Георгиевичем. В них вы найдете также увлекательные истории про Север.

- Да, книга называется «Лишний груз», и вышла она в 2001 году.



Обложка книги «Лишний груз»

- Получается, любому ученому надо обязательно найти время, чтобы подумать?

- Это очень правильная мысль. Думать, читать и обдумывать то, что ты прочитал, писать и обдумывать то, что ты написал. Это ключ в любой научной работе.

- Вы попали в то время, когда экология переживала свое становление, трансформацию. Выделилась прикладная экология, промышленная экология. Вы фундаментальный биолог, занимались всегда фундаментальными проблемами и, наверное, даже не стоит спрашивать, что для Вас важнее и главнее, но все-таки - куда дальше стремиться? Что развивать? Что будет перспективнее, на Ваш взгляд?

- Тут все элементарно. Что тебя больше занимает, что тебе интереснее, тем и надо заниматься. Когда-то данная тематика была не модной, и никто к ней всерьез не относился. Например, дендрохронология. Гаврила Егорович Комин, который со Степаном Григорьевичем Шиятовым начинал у нас в Институте заниматься дендрохронологией, считал идеалом для людей, работающих в этой области, писать одну полноценную статью в год. Если у научного сотрудника выходит одна статья в год - очень хорошо. Позже эта отрасль стала очень востребована, у них начало выходить по многу работ в год, и, конечно, это направление стало иметь большое значение в науке.

Когда мы предварительно говорили, вы мне задали такой вопрос: “Какие работы я мог бы считать наиболее важными, заметными?” Тут можно по-разному отвечать. Можно сказать, что самые важные еще впереди, они еще не написаны (оптимистический взгляд). С другой стороны, не наше дело оценивать. Неизвестно, как оно повернется, и совершенно ничтожная работа, которая прошла незаметно в каком-нибудь сборнике, вдруг окажется прорывом, который совершит на ее основе кто-то другой лет через 20.



Сотрудники лаборатории исторической экологии

Я уже говорил, что мои самые цитируемые работы из журнала «Geology». AMS дат сейчас тысячи, и ничего нового тут теперь нет. Публикации публикациями, но кроме них есть еще другие результаты,

которые передаются из уст в уста, которые создают некий фон, научный стиль, научную атмосферу. А самое главное - научный коллектив!

Я для себя считаю, бесспорно, самым важным результатом то, что мы с вами сидим сейчас и беседуем! В 1973 году, когда я пришел сюда, мне беседовать на эти темы было не с кем, я был один. Потом появились новые сотрудники, их было немного, но они росли и прирастали, защищали дипломы и диссертации.

Сейчас над решением наших задач в Институте работают четыре доктора наук. Кандидатов наук столько, что даже не хватит пальцев сосчитать. Столько было докладов на последней молодежной конференции с использованием палеонтологического материала! Это заметный пласт в работах не только нашего Института, но и в целом направления, которое изучает биологическое время. Я считаю, что частично внес лепту в это развитие, и соответственно это главный результат.



Сотрудники лаборатории палеоэкологии

- Я знаю, что С.С. Шварц не очень одобрял работы с историей и с исторической тематикой в биологии.

- Это не совсем так. Он не одобрял художественную самодеятельность, мягко говоря. Сначала пройди школу какого-нибудь признанного специалиста, а потом приходи и занимайся своим делом.

- Во всяком случае, когда Вы сказали четко, что комарами заниматься не будете, Вы положили начало нашему направлению в Институте.

- Станислав Семенович создал мощное направление в популяционной экологии. Им был разработан метод морфофизиологических индикаторов, который в свое время сделал много полезного. Он строго следил, чтобы научный коллектив Института не расплылся, чтобы занимал в стране свою нишу. Его можно понять, здесь других лидеров такого уровня не было.

Адольф Трофимович Мокронос, который работал в университете и заведовал кафедрой физиологии растений, был очень крупный ученый. Он возглавлял работы по созданию замкнутой биосферы космических кораблей, и как только стал членом Академии, он стал директором Института физиологии растений в Москве, а мы его потеряли. В наш Институт его, видимо, особо никто не приглашал.

Какое-то время в Институте работал Борис Павлович Колесников - крупнейший лесовед. Станислав Семенович держал этот коллектив в определенных рамках.



А.Т. Мокронос

- Предлагаю отойти немного от серьезных разговоров и поговорить о популяризации науки. Сейчас это очень модно и даже престижно. А как было в Ваше время?

- Кроме научных и административных дел я занимался и до сих пор занимаюсь работами по популяризации научных знаний. В советское время была мощная организация «Знание». Нас обязывали читать лекции для населения. Поскольку я был молодёжным лидером, я обязан был участвовать. В обеденный перерыв на мебельной фабрике выступал перед женщинами, которые лак наносили, им бы поесть и отдохнуть, а тут про охрану природы... Дело это было неблагодарное.

Но вообще заниматься популяризацией - дело благородное, и многие этим занимались, а некоторые на этом зарабатывали больше, чем на основной работе. Впервые я столкнулся с популяризацией науки благодаря отцу. Отец время от времени писал популярные работы и выступал перед публикой. Он перед любой аудиторией мог совершенно свободно говорить, люди специально приходили слушать.



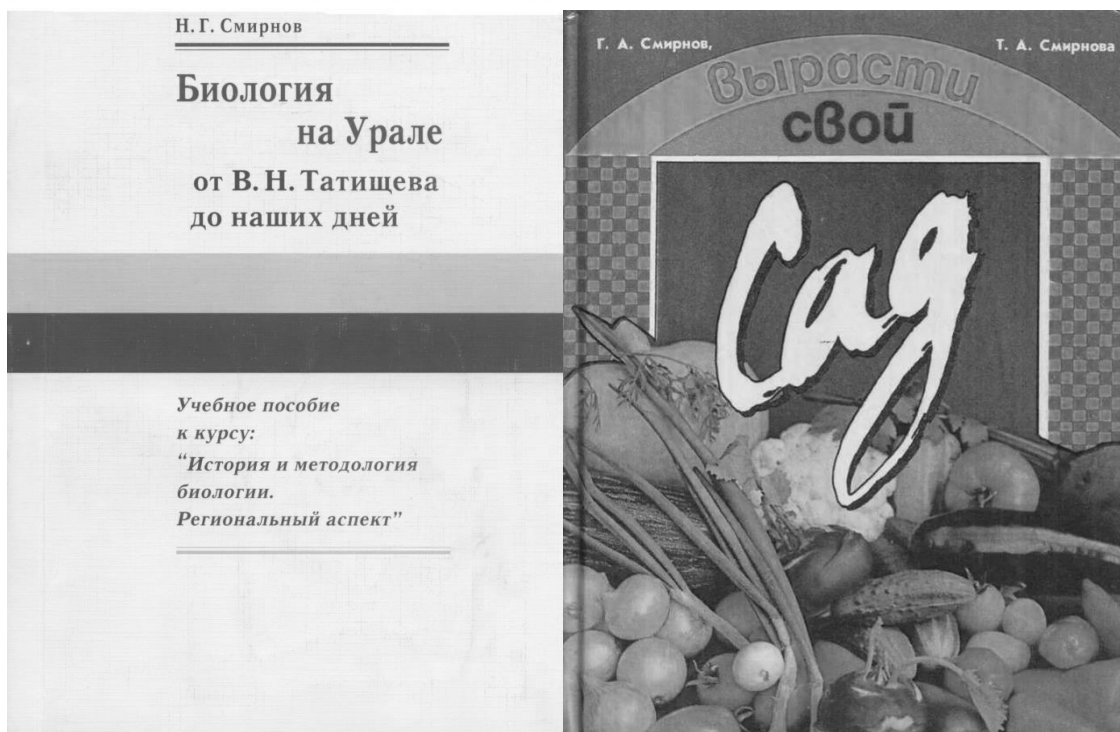
Н.Г. Смирнов со своим отцом, известным геологом Г.А. Смирновым

- Вы даже некоторые главы в его книгах писали.

- Да. У него была книга, которую они написали вместе с Анной Федоровной Тарбаковой. Книга называлась “Необыкновенные явления природы”, там была глава про пещеры. Анна Федоровна близко к пещерам

не подходила, да и папа кроме Кунгурской пещеры всерьез нигде под землей не бывал. Когда готовилось очередное переиздание книги, отец мне сказал: “Слушай, ты по пещерам лазаешь, напиши эту главу” - я взял и написал. В рецензиях говорили: “Ух, какая глава замечательная”, но меня в авторах там не было, упоминался я только в предисловии. Однако я получил первый опыт и стал входить во вкус этого дела.

Сейчас, если взвесить книги научные, которые я писал, и книги художественные или научно-популярные, то последние, наверное, перевесят. Я получал большое удовольствие, когда писал книжки по истории науки, я этим очень всерьез увлекался и до сих пор увлекаюсь. Из них главной считаю книгу “Биология на Урале от Татищева до наших дней”. Но что такое «наши дни»? Это понятие растяжимое. Она заканчивается еще советским временем, и я не знаю, сейчас «наши дни» или «не наши дни», во всяком случае, продолжения и дополнения книга явно требует.



Книга Н.Г. Смирнова «Биология на Урале от В.Н. Татищева до наших дней», 2006 год, и книга его родителей Г.А. Смирнова и Т.А. Смирновой «Вырасти свой сад», 1990 год.

- Возвращаясь к Вашим родителям - они тоже кроме геологии увлекались и другими естественными науками?

- Да, конечно. Папа любил классическую музыку, и знал ее очень хорошо, и живопись. Мама профессионально рисовала геологические рисунки, у нее в этом смысле была наследственность, потому что ее папа поступил в академию художеств, просто не стал там учиться. Книга “Вырасти свой сад”, написанная моими родителями, посвящена не просто выращиванию рассады, это идеология. Они всерьез занимались сортоиспытанием и сортовыведением, были внештатными сотрудниками УралНИИсхоза. Их сорта некоторых плодовых культур проходили испытания и были в активной работе этой организации.

- Планируете ли Вы написать мемуарные произведения?

- Нет! Мемуары я наверняка писать не буду. Этот стиль литературы меня совершенно не прельщает.

- Про экспедиции, про полевые? Мне книга “Лишний груз” очень понравилась.

- Спасибо на добром слове. Я ее писал с большим наслаждением, но это художественная литература.

- У Вас вышла сказка, я еще не совсем понял, для детей они или для взрослых, называются “В долине щелпов”. Расскажите, пожалуйста, как к Вам пришло это? Это отдых или хобби, или это как-то связано с Вашей научной деятельностью?

-Я вас поправлю. “В долине щелпов” - это книга, а сказка, которую я написал, она внутри этой книги. Книга была создана издателем Еленой Гончаровой. Она прочитала мою рукопись в виде еще не законченной работы и прямо загорелась: “Я вижу эту книгу, я ее проиллюстрирую, я ее издам”. Она нашла художника, нашла фотографии, там ее предисловие и послесловие, правда, без указаний авторства, а внутри книги - текст сказки, который написал я про щелпенка Щука, кота, деда и собаку.

Надо разделять книгу и сказку, я не отвечаю за то, что написано в этих предисловиях и послесловиях. Эта история со щелпами для меня какое-то проклятье в определенной степени. Потому что я честно и прямо написал, она так и называется “сказка”. А многие, кто имеет отношение к этому изданию, следуют каким-то слухам про то, что кто-то этих щелпов на самом деле видел, а кто-то пропажи обнаруживал.

Это хорошо, все-таки в книжке и сказке написано, главным образом, о любви к природе, о том, что надо ко всему в природе относиться бережно. В этом смысле я не отрекаюсь ни от чего.

Ну, нежить живет по своим законам в разных ипостасях в сказках. Конечно, это детская сказка! Вот и все!



Сказка про щелпов и мальчика Ванютку, кошку Михрютку, деда Мехоношу да песика Барбошу. Автор Н.Г. Смирнов, 2010 год.

- А как она появилась?

- В этих краях на реке Серге я впервые оказался с родителями в экспедиции, когда мне было меньше 15 лет. Создатель этого парка Александр Владимирович Добров - мой дорогой друг, товарищ, сокурсник, появился там несколько позднее, когда он уже заканчивал школу. Позже, студентом, он направил все свои силы и энергию на

создание парка. У парка не было юридического статуса в Советском Союзе, не было тогда ни природных, ни национальных парков. И Добров фактически на голом месте создал парк. Эту идею поддержал Борис Павлович Колесников и еще несколько крупных природоохранных и региональных государственных деятелей. В конце концов, появились и юридическая основа, и финансовые возможности, и парк родился. Наше областное Министерство природных ресурсов им руководит.

Моя сказка — это студенческий фольклор! Это родилось в студенческой среде. Я слышал и использовал фактически только само название “Щелпы”, остальное я все придумал.

С публикациями и основными моментами биографии и профессиональной деятельности член-корреспондента РАН Николая Георгиевича Смирнова можно ознакомиться на его личной странице на сайте Института экологии растений и животных УрО РАН

https://ipae.uran.ru/Smirnov_NG,

а также на сайте Уральского государственного университета

https://biography.ideafix.co/index784e.html?base=mag&id=a_0256

Автор проекта: Фоминых М.А.. Интервьюер: Гимранов Д.О.

Запись интервью: Галимов А.Т., Усольцева А.О.

В конце интервью мы публикуем отрывок из повести Н.Г. Смирнова «Лишний груз»:

После дневной жары, забот, разговоров со своими подопечными, лучшим отдыхом для Бориса была вечерняя прогулка по степи. Все знали эту его манеру и не приставали по вечерам. Если он кого-нибудь приглашал с собой, то это означало особое расположение. Обычно он просто гулял один, обдумывал текущие дела или вспоминал свои детские годы. В тех же местах, где сейчас вела раскопки их экспедиция, прошло несколько летних полевых сезонов его родителей. Тогда Боря был мальчишкой и с восторгом ездил с ними. Это было золотое время, когда он открывал для себя весь окружающий мир не как маленький ребенок, а уже в изрядной сложности и полноте. Впитывал в себя эти открытия с жадностью, которая у большинства проходит вместе с юностью. Он же сохранил ее до теперешних седых висков. Впрочем, у других она вообще не просыпается.

В этот вечер он издали увидел костер на берегу небольшого степного озерка. Вспомнилось редкое событие среди полевых будней геологического отряда родителей – встреча с другим отрядом, с коллегами. Они захотели решить спорный вопрос прямо на месте, на одном из скальных обнажений. Встреча состоялась, вопрос решился в пользу науки, а вечером отпраздновали это дело ужином у костра.

Там Борис впервые услышал, как пел его отец. Было удивительно, насколько отличался голос, который он привык слышать, когда тот говорил, от того, каким он запел. Говорил отец громко, часто даже слишком громко, зычным, властным голосом зрелого, прошедшего войну и ничего не боящегося мужчины, привыкшего быть главным. Запел же он совсем другим, каким-то слегка дрожащим, довольно высоким, совсем чужим для сына голосом. Его негромкий, но очень чистый певческий голос управлялся абсолютным музыкальным слухом. Конечно, пели и другие. Пели обычные для того времени песни, пели и народные, про ямщика, просто любимые, про дороги и пыль, пели и шуточные геологические. Его же песни были особенными. Их, как правило, никто другой не знал, или не решались ему подпевать. Он пел какие-то старинные песни дореволюционных студентов, романсы, а одну его попросили спеть еще и еще в конце вечера. Так она понравилась.